

История как знание и реальность

А.С. Табачков

Институт философии НАН Республики Беларусь

В статье в форме тезисов представлена онтогносеологическая концепция истолкования истории как метатеории прошлого. При этом последовательно излагаются, в частности, следующие, наиболее важные для данной концепции, моменты: проблематика анализа способов интерпретации и репрезентации исторического прошлого; вопрос о возможных онтогносеологических конститутивах исторического процесса; проблема связи события и его дискурса; онтогносеологический аспект проблематики свойств и функций источника, факта и дискурса уже имеющегося знания в процессе познания исторического прошлого. Также эксплицируется возможный механизм дифференциации различных типов интерпретации в процессе познания исторического прошлого и излагается гипотеза о том, что сама интерпретация является особой формы причинности исторического процесса.

Ключевые слова: бытие исторического, экзистентное время, рациональная интерпретация, рационалистическая культура, исторический источник как сущее другого, онтогносеологический анализ.

History as knowledge and reality

A.S. Tabachkov

Institute of philosophy Republic of Belarus NAS

In this article, in the form of theses, the ontological concept of interpretation of history as a metatheory of the past is presented. In particular, the following, most important for the given concept, moments are consistently presented: a problematic of the analysis of ways of interpretation and representation of the historical past; a question about possible onto-gnoseological constitutive elements of the historical process; a problem of connection of the event and its discourse; ontological aspect of a problematic of properties and functions of a historical source, fact, and a discourse of already available knowledge in the process of understanding of the historical past. The possible mechanism of differentiation of various types of interpretation during process of understanding of the historical past is also stated and a hypothetical thesis that interpretation is the special form of the causality within historical process is presented.

Key words: historical being, existential time, rational interpretation, rationalistic culture, historical source as an existence of a different one, ontognoseological analysis

Очевидно, что история пока не может сколь либо удовлетворительным образом справиться с противоречивым и потенциально опасным наследием XX века. Мы считаем, что без выхода на метатеоретический уровень анализа прошлого, эта дисциплина всегда будет подвержена риску нежелательных с любой точки зрения политико-идеологических сепараций. При этом нужно понимать, что подобные сепарации – и связанный с ними абсолютный антагонизм позиций – это не просто манифестация различия мнений: поскольку, с онтологической точки зрения, история это, в том числе, форма существования прошлого в настоящем, существования для и во имя будущего, речь идет ни о чем меньшем, как о расколе самого прошлого – как данной посредством знания реальности.

В представляемой онто-гносеологической концепции историческое прошлое рассматривается как сущностно теоретическое, конститутивными элементами событийного исторического бытия в данной концепции являются так называемые паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий – особые структуры теоретически организованного идеального. При этом определение «теоретически» характеризует, в данном случае, как форму организации, так и функцию данных структур идеального относительно практики деятельного человеческого бытия. В следствие такого истолкования прошлого, историческое знание полагается в представляемой

концепции как знание необходимо метатеоретическое.

В предлагаемой вниманию читателя статье излагается онтогносеологическая концепция истолкования истории как метатеории прошлого.

Материал и методы. Данная статья представляют собой краткие итоги многолетнего исследования автором онтологических и гносеологических особенностей исторического знания и истории как его объекта [1; 2]. Метод исследования – единство исторического и логического анализа.

Результаты и их обсуждение. 1. Современная практика исторического познания, благодаря общему прогрессу культуры и, в особенности, благодаря широко используемым здесь достижениям литературного процесса, смогла сделать репрезентацию своих дискурсов столь реалистичной, что их рецепция стала событием, сопоставимым с событиями непосредственного жизнепроживания реципиента. Так образовался новый культурный феномен экзистенциально воспринятого исторического прошлого, то есть прошлого, ставшего бытийно эквивалентным с непосредственно прожитым. Задача историка, создающего подобный дискурс, стала заключаться при этом в осуществлении такой репрезентации, восприятие которой по силе своего воздействия будет сродни личному опыту. Но если из того, что понимают под опытом, произвольно изымается его рациональная составляющая, то такая историческая работа суть не что иное, как искусственная и опасно неполная анимация событий минувшего. К сожалению, такое развитие было поддержано и обосновано постмодернистской философией истории [3; 4; 5], постепенно перешедшей к стратегии тотальной редукции исторического к литературному. Мы считаем, что в историческом познании интерпретативное анимирование прошлого, предъявляющее его как готовый к повторному пере-проживанию эмоционально-эстетический опыт, не может и не должно рассматриваться в качестве альтернативы теоретическому объяснению событий истории.

2. Время присутствует в бытии исторического как длительность и генезис этого времени имеет внутриэкзистентный, а это значит, событийный характер: первичная длительность не может быть ни чем иным, как длительностью событийной человеческой экзистенции. Сознательное участие в событии это осуществляемая посредством воли и обосновывающего ее интеллекта инвестиция собственного экзистентного времени в отличную от ее собственной, изначально внешне самой экзистенции, событийность. Интенциональное действие вводит экзистентное время в исторический процесс, транслируя и конвертируя индивидуально-экзистентную темпоральность в уже intersубъективное историческое время. Пространство как пространство развития истории и как конгруэнтная особому характеру ее времени категория возникает в результате событийно-культурной детерминации бытия сущего. Эта детерминация обусловлена взаимодействием конститутива событийности, берущего, как и историческое время, свое начало в первичной событийности экзистенции, и конститутива культуры – как качественной определенности интенционально доступного intersубъективного сущего. Связь времени и так понимаемого пространства осуществляется, таким образом, через бытие культурного индивидуума; и время, и пространство мира культуры оказываются экзистенциально заданными и, в конечном итоге, обусловленными интерпретацией. Это, однако, не означает, что они произвольны: интерпретация, ответственная как за внутриэкзистентные пространство и время, так и за одноименные intersубъективные протофеномены, не безосновна, эта рациональная интерпретация, а рациональность это мощное и тотальное бытийное начало. Но так же верно и то, что рациональность – жертва собственного бытийного могущества, ведь в существенном отношении она сама задает условия собственного существования и поэтому в принципе не может быть совершенной и окончить, завершить свое развитие. Онтологическая невозможность конца развития рациональности в созданном при ее участии мире проявляется в ее непрекращающемся самоистолковании, принимающем форму, в том числе, интерпретации прошлого.

3. Действие, в том числе и конституирующее событие историческое действие, подразумевает волю, но воление – это воление чего-либо, воление, которым занимается история, это воление интенциональное и осмысленное, его объект был дан субъекту – человеку-деятелю прошлого – как знание. Поскольку знание всегда нуждается в структуризации и любой концепт требует контекстуализации, появляется необходимость некой формы организации подобного знания. Знание, могущее служить обоснованием реализации воли, способное задать пространство превращения воли в причинную силу социоисторического процесса, должно быть доказательным и в достаточной степени непротиворечивым, иначе оно не справится со своими задачами. Любая историческая практика нуждается именно в теории или в чем-то подобном, практика как целокупность действия фундируется некой паратеоретической целокупностью знания, интегрированное действие корреспондирует

пондентно интегрированному знанию. Поэтому история как наука не может заниматься только единичным: человеческими действиями как таковыми и их интенциональными и неинтенциональными следствиями – событиями. История как объективная наука должна исследовать и то, что лежало в основе тех или иных действий людей прошлого, должна выяснять, какие рациональные обоснования послужили базисом принятия решений и последующих действий, определявших ситуацию того или иного культурно-исторического локуса минувшего. Подлинно научный исторический дискурс должен эксплицировать своего рода теорию жизни людей прошлого, идейную, идеальную основу их действий или бездействия. Только эта паратеоретическая составляющая может позволить нам правильно понять прошлое. Познающий прошлое разум ищет в нем не нечто случайное, но родственные себе рациональные элементы. При этом паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий это не некие эпифеноменальные резоны поступков людей прошлого, это созданные человеческой рациональностью структуры формирования волюнтаривно-темпоральных пульсаций бытия социокультурного сущего. Событийные пульсации бытия конституируют историческое время, при этом данные структуры определяют истечение как экзистенциального так и событийного времени – именно через их посредство экзистенциальное время разумно волящих индивидуумов прошлого конвертировалось в событийное intersubjective время истории. Многомерные метафизические поверхности истечения времени находятся на границах субъективного и объективного бытия и субъективного и объективного времени, более того, они в исторической динамике и определяют эти границы. Сконцентрированная на изучении этих действительно фундаментальных структур, история становится инструментом уже онтологического анализа, своего рода объективной феноменологией прошлого.

4. Рационалистическая культура событийно осуществляется и налично существует только в горизонте, очерченном действующим, принимающим решения, разумом. Любые эксцессы случайного, непредвиденные последствия неучтенных следствий действия и бездействия, обязательно затем помысливаются ретроспективно, рационализация контингентного является одной из важнейших задач истории как дискурсивной практики. С ее помощью происходит восстановление континуальной целостности культуры как пространства разумного, а значит, и целостности самого исторического времени. Взаимодействие прошлого и настоящего в онтологическом плане конституируется актами опосредованного предоставления сущности – прошлое это суть осуществившееся, то есть уже располагающее сущностью как наличностью. В то же время любой событийный момент актуального настоящего-будущего является становлением и поэтому, не располагая еще в должной мере сформированной сущностью, он оказывается восприимчивым к уже наличествующему сущему прошлого. Еще не ставшее, но стремящееся к осуществлению, сущее актуального Сейчас мира культуры нуждается в наличном сущем прошлого как в компоненте транзитивной формы своего становления. В неопределенности событийного становления истории, ставшее прошлого выступает как конкретно данное иное, положительная или отрицательная рецепция которого образует референциальный базис интенционального воления. Построение некоего нового мира любого масштаба требует присутствия осмысленной дискурсивной данности мира старого, история в своем развитии может опереться или оттолкнуться только от себя самой. Паратеоретические паттерны уже осуществленных и ставших частью истории действий через медиум интерпретации и репрезентирующего ее результаты исторического знания могут затем мигрировать в состав актуальных паратеоретических паттернов действий настоящего-будущего. Транстемпоральная и транссобытийная миграция совпадает с переходом между двумя главными формами бытийного присутствия паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий: формой паратеоретического паттерна как структуры – детерминанта актуального действия, непосредственно определяющего состав и динамику событийной конституции и второй формой – его данностью как снятого интерпретативным усилием и сохраненного дискурсом исторического знания смысла – смысла, который может стать затем элементом паратеоретического паттерна действий нового, разворачивающегося в настоящем, события. Это значит, что эта вторая форма, добытая интерпретацией и представленная историческим знанием, является формой подтвержденного или опровергнутого смысла как замысла действия, это подвергнутая проверке критерием практики паратеория действия.

5. Вследствии своего генезиса, исторический источник это, прежде всего, сущее другого, уже более не существующего мира. Именно эта сущностная принадлежность иному порядку культурного бытия определяет его роль гносеологической потенциальности, в которой он выступает в качестве того, что может послужить действительным источником знания о прошлом. При этом у исторического факта и у исторического источника разные способы бытийной актуализации – факт

утверждает, а источник свидетельствует. Факт связан со своим дискурсом, источник с культурным миром – местом своего генезиса, при этом исторический факт дискурсивен, а источник является феноменальной сущностью. Исторический источник это источник фактичности – особого бытийного способа наличия сущего, гетерогенного миру в котором происходит акт его опознания в качестве источника. Посредством фактичности исторический источник представляет свой уже ушедший мир в мире актуального настоящего. При этом его культурная значимость, и в этом его отличие от любого другого объекта, дуальна – она конституирована его значимостью в культуре, синхронной его генезису и значимостью этой его прошлой значимости для мира современной моменту наблюдения культуры. Источник свидетельствует не только о себе, но и о том сущем, с которым он со-бытийствовал в период своей первой актуальности, имевшей место в границах синхронного ему мира, мира его формирования как сущего. Сущее источника осуществилось под непосредственным воздействием рациональности. Это значит, что в нем обязательно должно было зафиксироваться проявление этой несомненно онтологической, предопределяющей характер вещей, силы. И предопределенное может помочь реконструировать предопределившее, феноменальное источника может помочь восстановить ноуменальное актов породившего его деятельного разума, а оно, в свою очередь, может помочь вновь обрести исследуемый феномен прошлого как дискурсивную структуру адекватного знания.

6. Паритетно-сущностное соотнесение сознания и подлежащего истолкованию объекта достигается за счет того, что сознанием создаются ноуменальные модели или симулякры интерпретируемого объекта, первые имеют метатеоретический, а вторые имитационный характер. Исполнение этих объектов-аналогов в сознании познающего может быть либо миметическим воссозданием комплекса переживаний со-участовавших и со-бытийствовавших в событии-объекте людей и, в том случае, если действия историка ограничиваются предъявлением этого воссозданного комплекса к перепроживанию, мы имеем дело лишь с анимирующей интерпретацией прошлого. Исполнение модели объекта, опирающееся на паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий или на как-то по-иному фиксируемую рациональность агентов исследуемого события, превращает интерпретацию в уже метатеоретическую процедуру. В этом случае познание имеет дело уже не с внешней стороной события, с его эффектами, но с самой его идеальной основой, с комплексом организованных в теоретическую форму имплементаций рациональности со-участников события прошлого. Такой тип интерпретации отличается наличием действительных оснований и поэтому способен обеспечивать гораздо большую степень достоверности и, что самое главное, способен проникать за внешнюю сторону событийной реальности прошлого к ее идеальной сути.

7. Установленное при помощи интерпретации отношение с прошлым включает в себя не только момент соотнесенности определенного фрагмента прошлой реальности и современной производящему интерпретацию культуры пониманию прошлого, оно включает в себя также и момент реализации инициируемой современностью причинной связи двух обособленных и темпорально разделенных миров культурного сущего. Таким образом, в дополнение к всегда существовавшему первому, преимущественно непосредственно-каузальному каналу, в каждом акте интерпретации реализуется второй, преимущественно рационально-референциальный канал связи прошлого и настоящего. Наличие этого второго канала дополняет специфичный человеку как разумному культурному существу выбор будущего, выбором прошлого. От неограниченного детерминациями уже свершившихся бытийных осуществлений выбора будущего, выбор прошлого отличается тем, что это выбор ограниченный. Но без него невозможно сколь либо точное позиционирование движения социокультурной реальности настоящего, направление развития которой определяется не только посредством ее перспективной цели, но и тем, откуда осуществляется и отчего отталкивается это развитие. Способность исторических процессов развиваться несмотря на часто неблагоприятные для них стечения обстоятельств, их резистентность по отношению к контингентному, объясняется наличием этих двух каналов трансляции в направлении «прошлое – настоящее». Оба канала обеспечивают трансляцию причинных конститутивов действительности, но причинность действительности, постоянно транслируемая первым каналом, каналом непосредственной каузальности, это причинность Унаследованного, причинность, бытийно оформляемая как Пассивное Предложение Продления. В культурах исторических существует и второй транстемпоральный канал, где через медиум дискурсивного знания о прошлом осуществляется иной, рационально-референциальный, тип трансляции причинного потенциала действительности. Транслируемая им причинность это конкурентные предложения к осуществлению, это причинность деятельного Активного Выбора. С появлением этого второго транстемпорального канала само дви-

жение действительности меняет свою схематику и превращается из простого хода «прошлое – настоящее» в сложное, уже процессуальное перемещение «из прошлого – посредством настоящего – в будущее». Каждый акт интерпретативного познания исторического прошлого означает движение от непосредственно-каузального способа трансляции причинных оснований действительности к способу рационально-референциальному, от пассивного принятия унаследованного к осмысленному выбору продолжения начатого или терминирования того, что не должно продолжиться, к росту доли разумного, а это значит, к качественно иной конституции культурного бытия.

8. Комплекс систематизированных историком источников представляет собой организованную систему следствий, то есть потенциальную референциальную целостность и эта система тесно или даже непосредственно – в зависимости от типа источника – связана с совокупностью корреспондентных ей причин, которая также – вследствие производимой над источниками-следствиями в процессе исследования операции систематизации – приобретает характер системы. При этом, в случае анализа паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий, речь идет уже не о приобретении, но о восстановлении системности – поскольку иерархии взаимодействующих паттернов принятия значимых решений, в структурно-логическом смысле, сами образуют системы – ситуативные системы действовавшего исторического разума. Референциальная целостность выступает, таким образом, предтечей и условием смысловой целостности будущего дискурса знания. Именно направленный в сторону прошлого момент систематизации, момент образования референциальной целостности, позволяет воссоздающей креативности познавательного усилия историка впервые предвидеть и предполучить целое действовавшей рациональности, то есть того активного принципа, который, вместе со случайностью, и сформировал событие, со следов-источников которого начиналось это усилие транстемпорального экстаза познающего сознания. Сама возможность перехода от следствий-источников к причинам-элементам прошлой реальности, фундирована тем, что исторический источник является посредником между двумя разновременными интенциональными актами – интенциональным актом человека прошлого и интенциональным актом познающего это прошлое историка. Фактический исторический источник соединяет две интенции в им опосредуемую связь, что формирует транстемпоральный и транскультурный компаунд интенций.

9. Экзистентный характер восприятия исторического прошлого указывает на важную особенность самой экзистенции – на то, что в условиях достаточно развитой культуры она не ограничена пространством личного существования. Способность человеческого пребывания к дискретизации в дискурсивно представленном прошлом может быть названа эмпатической экзистентностью экзистенции, что, в свою очередь, делает экзистенцию интеллектуально развитого культурного человека превышающей пределы индивидуальности метаэкзистентией, для которой характерна уже трансиндивидуальная историчность. Преимущество данного способа бытия состоит в том, что между двумя состояниями собственной сущности бытийствующий так феномен способен продолжить свое существование и тем закрыть неизбежный разлом идентичности; данная способность самовосстановления позволяет экзистенции преодолевать внутреннее сущностное различие и вести историчное существование. В свою очередь, это возможно потому, что сущность экзистенции дискурсивного концептуального свойства, сущность экзистенции рационалистична по своей природе и именно поэтому она может меняться в актах автоинтерпретации, которая генерирует актуальную идентичность как сущность экзистенции и тем инстанцирует ее в бытии. При этом интерпретация, даже на данном, первичном, уровне автоинтерпретации, не изменяет необратимо свой объект, но производит новую сущность, то есть, в случае автоинтерпретации экзистенции, производит новую экзистентную сущность, не отменяя бытия сущности прежней, которая событийно фиксируется и становится частью прошедшей реальности. Но трансиндивидуальная историчность метаэкзистенции нуждается в метатеоретическом знании о прошлом, только такое знание может в полной мере сделать прошлое частью пространства и времени ее развития.

10. Процессуально связанное чередование осмысленного действия и действия осмысления этого действия образует событийно-дискурсивный темп бытия и именно этот темп лежит в основе самой темпоральности культурного мира. При этом мысль как замысел, мысль, структурирующая себя как план осуществления это попытка быть, быть неким специфицированным, определенным образом. Проективная мысль это мысль бытийная, несущая в себе возможную будущую ситуацию, состояние или связь; такая мысль – это возможная судьба большей или меньшей области сущего. В терминах данного исследования, мыслимое замысла это паратеоретический паттерн неспонтанного интенционального действия, что, в свою очередь, дает возможность толковать исторические события как бытийные узлы интегральной со- и контр-реализации данных паттернов. Формирова-

ние этих узлов всегда контаминировано случайностями, эксцессами проявления воли и ошибками, но именно в них различные паттерны действий соединяются в многомерную конструкцию идеального такой сложности и такой продуманности, что она может уже служить формой полноценной событийной реализации идеального в объективную историческую реальность.

Закключение. Представленный выше метатеоретический подход позволяет, на наш взгляд, рассматривать историческое знание как не менее эпистемологически состоятельное и онтогносеологически обоснованное, чем любое другое знание, получаемое в сфере его институализированного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Табачков, А.С. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – 94 с.
2. Табачков, А.С. История как метатеория прошлого / А.С. Табачков. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 189 с.
3. Анкерсмит, Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Анкерсмит; пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
4. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр; пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 717 с.
5. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон; пер. с англ. – М.: Изд-во «Владимир Даль», 2003. – 425 с.